

КУЛЬТУРА

В последние годы произошли изменения в наиболее консервативной области литературы — критике. Появились новые имена, которые сформировали свою читательскую аудиторию. Но главное в том, что новое поколение критиков пришло на страницы газет и журналов со своей, отличной от прежних времен, методологией и эстетикой. Один из наиболее ярко заявивших о себе авторов — Вячеслав Курицын. Он знаком широкому кругу любителей русской словесности по многочисленным публикациям в периодике. Помимо журналистской деятельности, занимается и литературоведением (тема диссертации: "Современный русский литературный постмодернизм").

- Какого рода литературная критика, на ваш взгляд, наиболее актуальна?

— Единственная читабельная для меня литературная критика, то есть высказывания по поводу текущего литературного процесса, — это литературная журналистика. Скажем, короткие рецензии в еженедельных журналах, обзоры гуманитарных публикаций. Мне интересна такая критика, которая является литературной журналистикой.

- Что такое литературная журналистика и каковы ее цели?

— Литературная критика у меня ассоциируется с большими статьями на полтора листа в толстых журналах, в которых говорится не о литературных тенденциях, а о том, какие большевики плохие. Этим занимаются люди, которые называют себя интеллигенцией. Они с помощью литературного письма ищут ту или иную правду — литературную, социальную, материальную. А журнализм — это деятельность более интеллектуальная, связанная с тем, чтобы как-то помечать пространство, создавать читабельный корпус текстов, печатать рейтинги, писать фельетоны, реплики, короткие рецензии, отклики...

- То есть это рассмотрение не идеологического содержания, а художественных достоинств текста?

— Скорее, как раз идеологического. Есть текст, и у тебя по этому поводу есть своя концепция. Ты выясняешь, какой из этого можно вытащить культурологический сюжет, как это можно связать с явлениями жизни, с какой философской теорией это можно сопрячь и в конце концов какой анекдот можно сочинить по этому поводу.

Что же касается авторов, то этот класс еще только складывается. Сложный пример — Немзер. Избранные им жанры — колонка обзора журнала, еженедельная статья о свежей книжке или журнальной публикации — это как раз то, что я считаю правильным. Но я не очень люблю

ПРОФЕССИЯ — КРИТИК

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН:

Культура. — 1996. — 19 окт. — с. 7

Ориентировать читателя
вменяемым способом

Фото Д. ГРИШКИНА

его письмо и его самого как литератора. У него той самой интеллигентской энергии гораздо больше, чем нужно мне. И меньше интереса ко всяким ментальным ходам. Из новых — Сергей Кузнецов, очень правильный писатель. Приятно читаются заметки Льва Рубинштейна. Интересен Максим Андреев, правда, он пишет не о литературе, а о кино. К сожалению, никак не может найти себе нишу в средствах массовой информации Дмитрий Бавицкий из Челябинска. Он периодически печатает рецензии в разных изданиях, но они случайные. У себя дома в журнале "Современные записки" Бавицкий ведет рубрику коротеньких аннотаций: три строчки о романе. Это у него выходит очень здорово.

- Значит, по-вашему, критика — это прежде всего интересный текст для чтения. Но существует ли взгляд, согласно которому критика должна ориентировать читателя в бурном море литературы. Формировать читательский вкус и, может быть, даже указывать писателю его удачи и проколы. Влияет ли она хоть на что-нибудь?

— На писателя она вообще не влияет. А что касается читателя, то да. Любимая мной журналистика делится на две части. Одна — артистическая, которой я больше, видимо, занимаюсь: фельетоны, болтовня по поводу чего-либо. Яркий пример такой журналистики — Денис Горелов. Но есть и критика, ориентирующая читателя. Очень вменяемым. Предполагается, что это конкретное издание читает определенный круг людей, которые верят авторам своей газеты. Авторы рассказывают очень понятно, что собой представляет книжка, о которой мы сейчас говорим. То есть не анализируются ее художественные достоинства, а сообщается, что, скажем, Виктор Пелевин знаменит тем-то и тем-то, к нему существует такое-то отношение, а в этом его романе написано то-то и то-то. Этот тон, по-моему, очень верный.

- А оценочный критерий? Ведь критики входят в жюри и распределяют различные премии. В прошлом году председателем жюри Букера был

Рассадин. И в результате премию за роман получил Окуджава, очень тонкий, конечно, поэт.

— Так это понятно. Понятно и то, что через пять лет премии будет раздавать другое поколение. А что касается влияния критики не в смысле "раздачи слонов", а в более мистическом, то для современного писателя рецензия в газете — это очень серьезная помощь во всех смыслах.

- В каких?

— Существует очень много механизмов, благодаря которым ты получаешь стипендию, приглашение на конференцию или же для чтения лекций в университете. И если о тебе существует литература, то у тебя формируется имидж солидного писателя. Есть очень интересный свердловский философ Константин Мамаев, он выпустил книжку и на задней странице поместил цитату из моей рецензии в газете. Принес ее в книжный магазин "19 октября", а у него не берут, говорят, что книг у них полно. Тогда он показал цитату, и ее взяли. И таких примеров существует великое множество.

- Вас часто обвиняют в нападках на Букеровскую премию. Зачем вы это делаете?

— Этот проект претендует на то, чтобы иметь статус главной премии. Для этого устроители сделали очень много чего умного. Например, берут 40 номинаторов и 40 номинируемых романистов. В итоге в борьбу вовлекается уйма народа. И все эти заинтересованные лица начинают генерировать в прессе большую шумиху. И это работает на идею главной премии. Но при этом, как я пишу, такое огромное число людей 60-х годов в жюри не соответствует этому статусу. Вот и все. Я же не против того, чтобы премия была шестидесятичной. Пусть делают, какой хотят, не мои же деньги. Но я имею право заметить, что статус, который предполагается, не соответствует механизму, с помощью которого он пытается быть достигнут.

Беседу вел
Владимир ТУЧКОВ